

УДК: 168

DOI: 10.15372/PS20250408

EDN: TVKINC

В.В. Целищев, О.И. Целищева

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ФИЛОСОФИЯ КУАЙНА СЦИЕНТИСТСКОЙ?

Философия Куайна считается важным этапом в развитии аналитической философии. Однако некоторые исследователи усматривают в философии Куайна и его последователей «закат аналитической философии во всем, кроме названия». В статье рассматриваются причины для подобной точки зрения посредством утверждения несовместимости сциентизма аналитической философии и тезиса Куайна о непрерывности науки и философии. Показано, что данный тезис Куайна основан на обращении к скептическим аргументам, которые противоречат концепции сциентизма как таковой, поскольку включают следующие чуждые науке элементы: холизм (тезис Дюгема – Куайна), ограничение научного и философского дискурсов логикой первого порядка, мысленные эксперименты («антропологический» аргумент о неопределенности радикального перевода), возрождение метафизики (критерий существования Куайна и онтологические обязательства). Делается заключение об отсутствии сциентизма у аналитической философии Куайна в качестве ее существенной характеристики. Хотя отстаивание Куайном натурализма в философии часто считается как раз свидетельством ее сциентизма, есть сомнения в том, что сам по себе натурализм совместим с аналитической философией, а также в том, является ли Куайн вообще аналитическим философом в нынешнем ее понимании.

Ключевые слова: аналитическая философия; Куайн; сциентизм; скептические аргументы; холизм; мысленные эксперименты; натурализм

V.V. Tselishchev, O.I. Tselishcheva

IS QUINE'S PHILOSOPHY SCIENTIFIC?

Quine's philosophy is considered to be an important stage in the development of analytical philosophy. However, some researchers see in the philosophy of Quine and his followers "the decline of analytical philosophy in all but name."

The article discusses the reasons for this point of view by stating the incompatibility of the scientism of analytical philosophy and Quine's thesis of the continuity of science and philosophy. It is shown that Quine's thesis is based on an appeal to skeptical arguments that contradict the concept of scientism as such, since they include the following elements alien to science: holism (the Duhem-Quine thesis), the limitation of scientific and philosophical discourses to first-order logic, thought experiments (the "anthropological" argument about the uncertainty of radical translation), the revival of metaphysics (Quine's criterion of existence and ontological obligations). The conclusion is made about the absence of scientism in Quine's analytical philosophy as its essential characteristic. Although Quine's advocacy of naturalism in philosophy is often considered as the evidence of its scientism, there are doubts about whether naturalism itself is compatible with analytical philosophy, as well as whether Quine is even an analytical philosopher in its current understanding.

Keywords: analytical philosophy; Quine; scientism; skeptical arguments; holism; thought experiments; naturalism

Любое определение аналитической философии включает ориентацию ее практиционеров на науку. При этом имеются в виду по крайней мере два понимания ее связи с наукой. Во-первых, философия не является собственно наукой, и ее задачи радикально отличны от задач науки; скорее, она представляется некоторой второпорядковой дисциплиной над наукой. Если все-таки настаивать на важности философии как обобщения научных результатов в объяснении внешнего мира, в некотором смысле будет уместна отдаленная метафора с использованием современного научного жаргона: философия супервентна над наукой. Действительно, при всей своей искусственности эта метафора отражает существенные черты соотношения науки и философии; это разные «уровни» описания, это желаемая корреляция описаний и в то же время значительная автономия, даже в случае «классического» логического позитивизма.

Во-вторых, философия едина с наукой, точнее, является продолжением последней. Эта точка зрения отчетливо выражена У. Куайном в его концепции натуралистического подхода к философии. С этой точки зрения значительные философские обобщения научных достижений обосновываются именно научной практикой, без обращения к посторонним (если так можно выразиться) метафизическим соображениям.

Обе позиции можно найти в приписывании аналитической философии так называемого «сциентизма», хотя сциентизм как некоторая характеристика человеческого знания объемлет гораздо более широкие аспекты соотношения науки и философии. В частности, можно упомянуть такие темы, которые были подняты Ч. Сноу [2] в различении двух культур. В других контекстах это проявилось в разделении наук на *Naturwissenschaften* и *Geisteswissenschaften*, или же в разделении литературного стиля континентальной философии и научного стиля аналитической философии, или же в столкновении между рациональным мышлением науки и философским иррационализмом, олицетворением которого является известный конфликт Хайдеггера и Карнапа в установлении приоритета между логикой и метафизикой.

Вопрос о сциентизме аналитической философии является сложным, поскольку многие аналитические философы по-разному рассматривали соотношение науки и философии. Существенным упрощением вопроса является исследование в стиле *case study* – отдельных, наиболее характерных случаев их тесной связи. Видимо, наиболее интересной в этом отношении предстает фигура У. Куайна, который, с одной стороны, посчитал философию прямым продолжением науки, а с другой стороны, предложил так называемую «натурализацию» философии, при которой последняя утрачивает свои спекулятивные элементы в пользу научных концептуальных схем. Обе тенденции часто рассматриваются как свидетельства сциентизма философии Куайна. Цель данной статьи состоит в указании противоречивости этих двух тенденций. Не затронутая натурализацией часть философии Куайна в значительной степени склонна к демонстрации скептицизма в описании знания и, следовательно, вряд ли может считаться полноценным примером сциентизма аналитической философии, а другая часть, особенно привязанная к натурализации эпистемологии, выходит за рамки стандартов, принятых в этой философии. Иными словами, спекулятивный характер скептицизма Куайна явно лишен сциентизма, и в этом случае мы имеем очевидный парадокс: Куайн считается ведущей фигурой современного этапа аналитической философии, но вряд ли добавляет к ее характеристике отчетливые сциентистские мотивы. А вот то, что может называться по-настоящему сциентистскими чертами в философии Куайна, – его натурализация философии явно выводит ее за пределы собственно ана-

литической философии. Таким образом, если полагать Куайна важнейшей фигурой последней, тогда приписывание ей сциентизма становится проблематичным.

Куайн и непрерывность философии и науки

Поначалу кажется, что взгляд Куайна, согласно которому философия является прямым продолжением науки, – лучшее подтверждение сциентизма аналитической философии. Однако это обманчивое впечатление рассеивается, потому что наука у Куайна представляется в каком-то расплывчатом свете: это некая структура, «деятельность» которой состоит в производстве реакций (response) на стимулы. Такая сверхобщая бихевиористская трактовка соотношения теории и эмпирического опыта нужна Куайну в его теории функционирования языка, но вряд ли она уместна при обсуждении, скажем, физических теорий. Удивительным обстоятельством является то, что знаменитая критика Куайном логического позитивизма Карнапа по поводу различения аналитических и синтетических утверждений [1] осуществляется без опоры на собственно научные теории, в то время как для Карнапа присутствие последних в дискуссии было важным. Удивительно здесь почти повсеместное принятие аргументации Куайна, в значительней степени оторванное от собственно философии науки, или того, что Карнап называет «логикой науки». В настоящее время наметился перелом в понимании того, кто все-таки «победил» в споре Куайна и Карнапа. Как свидетельствует М. Фридман, «логика науки» Карнапа «является поистине революционным и отчетливо карнаповским проектом, без каких-либо предшественников в истории философии вообще; и это, пожалуй, самая важная причина, по которой столь многим более поздним философам, особо включая Куайна, было так трудно это понять» [4, с. 214].

Действительно, отсутствие собственно науки у Куайна подчеркивается его сопоставлением с Карнапом: «В то время как широко прагматистская и холистическая эпистемология, разрабатываемая Куайном под названием “эпистемология без догм”, предназначена для замены или переосмысления того, что Куайн считал эпистемологией логического эмпиризма, Карнап – несмотря на настойчивые попытки Куайна связать его с разновидностью эпистемологического

фундаментализма – решительно порывает со всей эпистемологической традицией. То, что Карнап называет “логикой науки”, никоим образом не связано с объяснением или обоснованием нашего научного знания путем демонстрации ее окончательных оснований; вместо этого такая логика связана с развитием новой роли философии vis-à-vis эмпирические науки, которая будет играть важную роль в развитии науки, максимально способствуя научному прогрессу, в то же время избегая всех традиционных метафизических споров и неясностей, которые составляли... серьезные препятствия на пути прогресса как в философии, так и в естественных науках» [4, с. 207].

Так что если Карнапа по многим причинам нельзя назвать сциентистом, то уже тем более так нельзя называть Куайна.

Но есть и другая сторона философии Куайна, которая может свидетельствовать о сциентизме аналитической философии. Речь идет об известной программе натурализации философии, в частности о натурализации эпистемологии Куайна. Суть программы в предельно общем виде состоит в переходе от сугубо философского каркаса понятий к каркасу естественных наук. Сама по себе натурализация среди прочего представляет собой сложную корреляцию соответствующих концептуальных схем, достигаемую в процессе кропотливого анализа как эпистемологических процедур, так и исторических обстоятельств взаимодействия философии и науки. В качестве недавнего примера натурализации эпистемологии можно привести процедуру обоснования теоретико-множественных аксиом П. Мэдди с использованием каркаса реализма в философии математики [8]. Мэдди не находит более надежных средств обоснования теоретико-множественных аксиом, или, как она выражается, их «защиты», чем функционирование в том или ином виде самих аксиоматических теорий множеств, с тщательным, насколько это возможно, подкреплением их «эвристическими» философскими подпорками. Но конечный вердикт по их поводу, если таковой вообще возможен, диктуется самой математикой. Упомянутыми «подпорками» могут служить предположения, которые озадачивают философов, но никак не самих математиков, например понимание природы «пустого множества» или же чуть ли не теологические концепции вроде абсолютного ординального числа. Эти вещи математики не собираются объяснять, принимая их за само собой разумеющиеся концепции, и натурализация философии состо-

ит в интеграции в философию всего, что могут дать математики, не отказывая философии в некоторой доли самостоятельности.

Проблема состоит в том, можно ли назвать такой своеобразный вид теоретизирования собственно аналитической философией. Не обсуждая здесь этот вопрос тщательно, можно отметить лишь, что многие исследователи сомневаются в том, что натурализованная философия Куайна продолжает оставаться аналитической философией [7]. Таким образом, вопрос о сциентизме философии Куайна распадается на два подвопроса: совместимы ли скептические тезисы Куайна о познании с целями аналитической философии как ориентированной на науку и остается ли натурализованная философия Куайна аналитической вообще. Памята, что подход Куайна к соотношению философии и науки является одним из самых важных аргументов в пользу сциентизма аналитической философии, заметим, что исследование вышеупомянутых вопросов частично дает ответ на поставленный вопрос. Данная статья посвящена рассмотрению первого из этих вопросов.

Холизм и тезис Дюгема – Куайна

Пожалуй, наиболее озадачивающим обстоятельством для тех, кто верит в сциентизм Куайна, является его холизм как, собственно, в понимании науки, так и в философии. Подавляющая часть философов и методологов естественных наук полагают редукционизм наиболее приемлемой их чертой, оставляя холизму важную роль в формулировке скорее мистических доктрин. Типичным примером последних в европейской философии можно считать витализм Дриша. И если Куайн провозглашает непрерывность науки и философии, то его философский холизм напрямую противоречит господствующей в науке тенденции к редукционизму (критика которого относится по большей части к исследованиям сознания, но к ним Куайн, за исключением общих бихевиористских лозунгов, не обращался).

Важным проявлением холизма является так называемый тезис Дюгема – Куайна, который, как предполагается, лучше всего свидетельствует о сциентизме куайновской философии, поскольку «близок» к непосредственно научным теориям. Тезис касается соотношения научной теории и ее возможного опровержения «решающим экспериментом». Обсуждение последнего является стандартной

частью элементарных учебников по физике и, кроме того, некоторых философских экскурсов в физику. Суть тезиса состоит в том, что опровержение теории представляет собой изменение статуса концептуальной схемы теории под влиянием противоречащего теории эксперимента. Однако сложная холистическая структура такой концептуальной схемы имеет дело с экспериментом только на периферии, в виде своего рода «протокольных» эмпирических утверждений. Новое подобное утверждение может приводить к локальным изменениям концептуальной схемы, изменяя истинностные значения ее утверждений до определенного уровня их иерархии, но не обязательно до опровержения высшего уровня, т.е., самой концептуальной схемы и, значит, всей теории.

С нашей точки зрения, устоявшееся название тезиса отчасти вводит в заблуждение. Дело в том, что в коннотациях этого термина явно различимы две составляющие: одна имеет дело с практическими исследованиями структуры физической теории, а вторая – с чисто философской оболочкой этих исследований. Первая принадлежит П. Дюгему, который обнаружил и довольно убедительно обосновал холистическую структуру физической теории в своих поисках удовлетворительного объяснения попыток объединения механистических и термодинамических концепций. Действительно, как свидетельствует М. Уилсон, «работы Пьера Дюгема по классической механике в восхитительно конкретных выражениях излагают... паттерн формального развития, который могла бы принять наука. Его предложение также не является гипотетической причудой; прогресс в рамках чрезвычайно успешной программы современной механики сплошных сред в значительной степени следовал ключевым структурным рекомендациям Дюгема. [Считается], что важным достижением... стало прочное обоснование механики континуума в термомеханических рамках, к посмертному удовлетворению Пьера Дюгема [13, р. 137]. То есть обнаруженный Дюгемом холизм был результатом научной практики, эпизодом реальной истории науки. Возможно, принятый Дюгемом «паттерн формального развития» будет оспорен кем-то в будущем или настоящем, исходя из более тщательного анализа истории науки или же на основе другого концептуального каркаса. Но совсем иной характер имеет тезис в руках Куайна, будучи если и не априорным, то в высшей степени спекулятивным.

Удачный ход мышления Дюгема был обобщен Куайном в гораздо более общий философский тезис, который на самом деле больше мотивирован другим тезисом Куайна – о неопределенности радикального перевода в применении к языку науки. Есть значительный разрыв между реальными наблюдениями Дюгема и спекулятивным подходом Куайна, соответственно, лучше было бы говорить о двух вариантах холизма. И если холизм Дюгема можно считать сциентистским, то не в применении к аналитической философии, к которой Дюгем не принадлежал. А вот холизм Куайна скорее всего не стоит считать ассоциированным с пресловутым сциентизмом той же аналитической философии.

Различение «тезиса Дюгема» и «тезиса Куайна», как мы предлагаем сделать, обосновано еще одним обстоятельством. Для Куайна холизм связан с недоопределенностью теории экспериментом как следствием жесткого ограничения структуры теории логикой первого порядка. Это истинно куайновская добавка, не имеющая никакого отношения к Дюгему. Кроме того, принятое Куайном ограничение первопорядковой логикой еще более осложняет распространенную уверенность в том, что общепринятый тезис Дюгема – Куайна является подтверждением собственно сциентизма аналитической философии. Помимо того, что сам Куайн не привел каких-либо серьезных примеров действия тезиса в истории науки, философская подоплека добавления куайновского ингредиента к тезису на самом деле является частью его общего скептического аргумента [10] по поводу языка и онтологии и мало чем может помочь собственно сциентизму. Рассмотрим сначала эффект ограничения конструкций Куайна логикой первого порядка.

Первопорядковые теории

Философия Куайна характерна жестким отказом от значений и вообще интенциональных сущностей. Эта «норма» у него закреплена тезисом, что логики первого порядка достаточно для успешной «регламентации» любого философского дискурса (знаменитое «first-order logic is logic enough»). Сам по себе тезис кажется сомнительным в отношении сложных случаев философских рассуждений, а в отношении науки – тем более. Но есть еще большие сомнения по части

игнорирования при этом интенциональных обертонов научных терминов. Сам Куайн редко прибегал к использованию настоящих примеров из науки (несмотря на провозглашение философии продолжением науки), но Х. Патнэм попытался воплотить куайновскую позицию в виде целой программы «внутреннего реализма» [9].

Провал этой программы, выразившийся в довольно быстром отказе автора от нее, влечет неадекватность приписывания значимости философских соображений куайновского толка собственно науке, а значит, и неадекватность приписывания сциентизма философии Куайна. Я. Хакинг указывает несколько важных причин для подобного заключения [6, с. 119]. Прежде всего, язык логики первого порядка не является достаточно выразительным для физики, и соображения о нестандартной интерпретации в ней неприменимы ввиду явной интенциональности физических терминов. Кроме того, нестандартная интерпретация в логических контекстах вряд ли применима в дискурсе с обыденными объектами, да и сама нестандартная интерпретация неконструктивна: «в принципе, нет человечески доступного способа для того, чтобы породить нестандартную интерпретацию» [6, с. 120]. Хакинг выносит довольно суровый приговор данной Патнэмом сциентистской характеристике науки, близко ассоциированной с философией: «Может быть, Патнэм совершает одну из серьезнейших ошибок в своей философии» [Там же].

Мысленный эксперимент как спекулятивная основа сциентизма

Мысленный («антропологический») эксперимент Куайна, известный в литературе как «гавагаи», является прекрасным примером чуждости эмпирическому характеру предполагаемого сциентизма аналитической философии. Надуманность ситуации с переводом аборигенного слова «гавагаи» является основой тезиса о невозможности радикального перевода и, как следствие, неопределенности указания терминов языка на объекты. Здесь действительно много чего надуманного в самом банальном смысле этого слова, по крайней мере в двух отношениях. С одной стороны, тезис ведет к предельно странному утверждению, что в случае использования человеком предположительно указательного термина чужого языка при переводе на свой

язык не гарантируется сохранение указания на подразумеваемый объект. Странность состоит в оторванности мысленного эксперимента как от практики собственно исторических антропологических случаев запутанных переводов, так и от практики перевода научных терминов в разных концептуальных схемах или же сохранения их значения в разных парадигмах. Первое затруднение разрешается сложными, но прослеживаемыми манипуляциями с терминами в ходе реальных исторических событий в реальной, в отличие от выдуманной Куайном, антропологической практике. В своей книге «Историческая онтология» в главе с говорящим названием «Был ли когда-нибудь радикальный неправильный перевод?» Я. Хакинг говорит следующее: «Я не могу доказать, что радикальных ошибок в переводе никогда не бывает. Но я покажу, как некоторые предполагаемые случаи [неправильного перевода] являются подделками, основанными на слухах, и опровергнутыми фактами. Это может иметь значение для тезиса о неопределенности перевода Куайна. Его доктрина имеет характер *a priori*, но пользуется доверием отчасти благодаря анекдотам. Мы склонны считать, что недоопределенность – это радикальный неправильный перевод, доведенный до предела, когда никакая возможная информация не может определить, какой из двух несовместимых переводов правильный. Я отвергаю правдоподобие этого аргумента, отвергая анекдоты, с которых он начинается. Примечательным в человеческом взаимодействии является то, что неправильные переводы так легко устраняются» [5, с. 177].

Тезис о неопределенности перевода Куайна очень близок к тезису о несоизмеримости Куна и Фейерабенда, уже непосредственно имеющему отношение к научному дискурсу. Дело в том, что несоизмеримость следует понимать в терминах переводов, поскольку она означает, что нет способов перевода одной парадигмы в другую. Действительно, согласно Куну, даже одни и те же термины могут иметь различный смысл в теориях разных эпох: например, физические референты терминов в теории относительности Эйнштейна концептуально не тождественны аналогичным терминам ньютоновской физики. Однако Хакинг замечает по этому поводу: «Существует полная соизмеримость и нет никакой неопределенности перевода в этих скупных

областях наблюдения, которые мы разделяем с людьми как таковыми» [5, с. 198].

Вообще, сведение недоопределенности теории экспериментом и увязывание этого сведения с проблемой выбора научных теорий, которая, в свою очередь, оказывается производной от мысленного эксперимента с заключением о невозможности радикального перевода, являются неадекватной логической схемой сложного аргумента Куайна.

Сведение к психологии «стимул – реакция»

Удивительно, но сложнейшие перипетии развития науки Куайн сводит к простому бихевиористскому объяснению «стимул – реакция». Это явно неправдоподобно и малоинтересно, так что пресловутый сциентизм в версии Куайна выглядит просто анемичным придатком к психологии. Действительно, как можно расценить следующий пассаж Куайна: «Сама наука учит, что ясновидение не существует, что единственная информация от внешних объектов, которая может достичь наших сенсорных поверхностей, должна быть ограничена двумерными оптическими проекциями и различными воздействиями воздушных волн на барабанные перепонки, а также некоторыми газообразными реакциями в носовых проходах и тому подобными вещами. Перед нами вызов, как можно было надеяться узнать об этом внешнем мире из таких скудных следов?» [11, р. 2].

Ясно, что речь идет о постановке эпистемологической программы познания внешнего мира, но «арсенал» познавательных средств представлен не важными научными теориями, а предельно общей бихевиористической установкой на обращение к природе познания. Вряд ли это вообще можно называть сциентизмом, потому что последний подразумевает опору на серьезные научные программы. Именно них у Куайна и нет. Это сильно влияет на предполагаемый сциентизм Куайна. А. Стролл замечает, что «даже среди тех, кто в целом поддерживает научное мировоззрение и считает Куайна важной фигурой, возникают серьезные возражения против его холизма и бихевиоризма» [3, с. 320].

Ни бихевиоризм, ни холизм не являются собственно научными установками, которые позволили бы говорить о сциентизме Куайна в том же духе, в котором можно говорить о сциентизме, скажем, логического эмпиризма Венского кружка с серьезной опорой на общую теорию относительности и квантовую механику. Посылка Куайна, что наука является обобщением здравого смысла, а философия является продолжением науки, делает философию сциентичной не в большей степени, чем наука делает научным здравый смысл.

Возрождение метафизики

Провозглашение Куайном логики первого порядка вполне достаточной для «регламентации» любого философского дискурса, помимо отказа интенциональным сущностям в онтологическом статусе, имеет более общее следствие. Само понятие онтологии со времен Венского кружка уступило место эпистемологическим разговорам и стало просто «лишним» в философии, существенной характеристикой является сциентизм. Одним из мотивов избавления от использования понятия онтологии было, с одной стороны, ограничение сциентистских разговоров «подлинно» существующими объектами научного исследования, от фактов наблюдений до теоретических концепций, а с другой стороны, расплывчатость и изобилие претендентов на онтологический статус в философских дискурсах. Другими словами, есть значительная разница между типично философскими, или лучше сказать, метафизическими, описаниями «реальности» и научными теориями, предлагающими проверяемые на опыте картины уже более конкретной природы. Поэтому перед аналитической философией, которая является определенным компромиссом между двумя этими способами описания объективного мира, постоянно встает проблема «баланса», поскольку сдвиг в ту или другую сторону говорит о степени ее обособления от традиционной философии.

Куайн совершил сдвиг в сторону последней, «официально» введя в обиход понятие «онтологического обязательства»: формализованный (в результате регламентации логикой первого порядка) дискурс обязан признавать существующим все то, что входит в область значений синтаксических переменных формализованной теории. Эта до-

вольно обыденная процедура расцвечена знаменитым афоризмом Куайна: «Быть – значит быть значением связанной переменной». Таким образом, как будто найден компромисс между научным и философским дискурсами, и его можно рассматривать как свидетельство сциентичности философии Куайна. Но сам критерий имеет две особенности, которые свидетельствуют против этого заключения. Во-первых, возвращение к концепции онтологии является очевидным сдвигом в сторону «метафизики». Этот сдвиг, как показала дальнейшая история с возвращением С. Крипке «сущностей», явился симптомом отказа от изначального сциентистского уклона аналитической философии. Во-вторых, само возвращение к онтологии у Куайна было мотивировано желанием различить «хорошие» и «плохие» сущности», и сделать это можно было только введением понятия, которое включало бы в рассмотрение те и другие. И благословение «хороших» сущностей осуществлялось тем, что «плохие» не входили в область квантификации логики первого порядка.

Является ли Куайн вообще аналитическим философом?

В любом случае возвращение метафизики, как и встраивание в предположительно сциентистскую схему множества близких к скептическим аргументов, противоречит целям и практике аналитической философии. И тогда возникает вопрос: а можно ли в этом случае считать Куайна вообще аналитическим философом, если сциентизм полагается ее неотъемлемой характеристикой? Хотя отстаивание Куайном натурализма в философии часто считается как раз свидетельством ее сциентизма, есть сомнения в том, что сам по себе натурализм совместим с аналитической философией. Такого рода сомнения могут вести в двух направлениях: с одной стороны, аналитическая философия и натурализм представляются разными исследовательскими программами в рамках более общих устремлений Куайна, и, с другой стороны, они могут заходить так далеко, чтобы усматривать в философии Куайна и его последователей «закат аналитической философии во всем, кроме названия» [12, р. 295]. Сомнения такого рода представляются слишком радикальными, но они порождаются двойственностью позиции Куайна в вопросе о соотношении аналитической философии и науки.

Литература

1. *Куайн У.В.О.* Две догмы эмпиризма // С точки зрения логики / Пер. В.А. Ладова, В.А. Суровцева. М.: Канон+, 2010. С. 45–80.
2. *Сноу Ч.П.* Портреты и размышления. М.: Прогресс, 1985. С. 195–226.
3. *Стролл А.* Аналитическая философия: двадцатый век / Пер. В.В. Целищева. М.: Канон+, 2020.
4. *Фридман М.* Релятивизованное а priori // А priori Канта в науке и философии: современные споры / Пер. В.В. Целищева. М.: Канон+, 2025.
5. *Хакинз Я.* Историческая онтология / Пер. В.В. Целищева. М.: Канон+, 2024.
6. *Хакинз Я.* Представление и вмешательство / Пер. С. Кузнецова. М.: Логос, 1998.
7. *Corradini A., Galvan G.* Analytic Philosophy Without Naturalism. London; New York: Routledge, 2005.
8. *Maddy P.* Defending the Axioms: On the Philosophical Foundations of Set Theories. Oxford: Oxford University Press, 2011.
9. *Putnam H.* Models and reality // The Journal of Symbolic Logic. 1980. Vol. 45, No. 3.
10. *Quine W.V.O.* Ontological relativity // Quine W.V.O. Ontological Relativity and Other Essays. N.Y.: Columbia University Press, 1969. P. 26–68.
11. *Quine W.V.O.* The Roots of Reference. Chicago: Open Court, 1974.
12. *Simons P.* Whose fault? The origins and evitability of the analytic continental rift // International Journal of Philosophical Studies. 2001. Vol. 9 (3). P. 295–311.
13. *Wilson M.* Physics Avoidance: Essays in Conceptual Strategy. Oxford: Clarendon Press, 2017.

References

1. *Quine, W.V.O.* (2010). Dve dogmy empirizma [Two dogmas of empiricism]. In: W.V.O. Quine. S tochki zreniya logiki [From a Logical Point of View]. Transl. by V.A. Ladov and V.A. Surovtsev. Moscow, Kanon+ Publ., 45–80. (In Russ.).
2. *Snow, C.P.* (1985). Portrety i razmyshleniya [Portraits and Reflections]. Moscow, Progress Publ., 195–226. (In Russ.).
3. *Stroll, A.* (2020). Analiticheskaya filosofiya: dvadtsatyy vek [Twentieth-Century Analytic Philosophy]. Transl. by V.V. Tselishchev. Moscow, Kanon+ Publ. (In Russ.).
4. *Friedman, M.* (2025). Relyativizovannoe [L2]a priori [The Relativized A Priori]. In: A priori Kanta v nauke i filosofii: sovremennyye spory [Kant's A Priori in Science and Philosophy: Contemporary Debates]. Transl. by V.V. Tselichchev. Moscow, Kanon+ Publ. (In Russ.).
5. *Hacking, I.* (2024). Isroricheskaya ontologiya [Historical Ontology]. Transl. by V.V. Tselidhchev. Moscow, Kanon+ Publ. (In Russ.).
6. *Hacking, I.* (1998). Predstavlenie i vmeshatelstvo [Representing and Intervening]. Transl. by S. Kuznetsov. Moscow, Logos Publ. (In Russ.).

7. *Corradini, A. & G. Galvan.* (2005). *Analytic Philosophy Without Naturalism.* London & New York, Routledge.
8. *Maddy, P.* (2011). *Defending the Axioms: On the Philosophical Foundations of Set Theories.* Oxford, Oxford University Press.
9. *Putnam, H.* (1980). Models and reality. *The Journal of Symbolic Logic*, Vol. 45, No. 3.
10. *Quine, W.V.O.* (1969). Ontological Relativity. In: W.V.O. Quine. *Ontological Relativity and Other Essays.* New York, Columbia University Press, 26–68.
11. *Quine, W.V.O.* (1974). *The Roots of Reference.* Chicago, Open Court.
12. *Simons, P.* (2001). Whose fault? The origins and evitability of the analytic continental rift. *International Journal of Philosophical Studies*, 9 (3), 295–311.
13. *Wilson, M.* (2017). *Physics Avoidance: Essays in Conceptual Strategy.* Oxford, Clarendon Press.

Информация об авторах

Целищев Виталий Валентинович – Институт философии и права СО РАН (630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8).
leitval@gmail.com

Целищева Оксана Ивановна – Институт философии и права СО РАН (630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8).
oxanatse@gmail.com

Information about the author

Tselishchev, Vitalii Valentinovich – Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8, Nikolaev St., Novosibirsk, 630090, Russia).
leitval@gmail.com

Tselishcheva, Oxana Ivanovna – Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8, Nikolaev St., Novosibirsk, 630090, Russia).
oxanatse@gmail.com

Дата поступления 14.09.2025.
Принята к публикации 10.11.2025.